УДК 330.34.01

В.О.Корнивская, ***канд. экон. наук***
Институт экономики и прогнозирования НАН Украины

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА[1]

Анализируется преобладающая в предкризисный период парадигма краткосрочных экономических эффектов, характеризуется ипотечный кризис, ставший катализатором мирового финансового кризиса. Обоснованы задачи посткризисного восстановления в контексте социоинституционального реформирования, направленного на создание условий для преобладания долгосрочной временной парадигмы в глобальном социоэкономическом пространстве.

Современное мировое научное сообщество занято проблемами формирования парадигмы посткризисного развития, однако в первую очередь сегодня мы должны ответить на вопрос, а о посткризисном ли развитии мы говорим, и выйдет ли мир на новую траекторию, которая позволит достичь динамического равновесия, или нас ожидает череда геополитических, экономических, социальных, демографических и климатических дисбалансов, которые в граничных случаях приводят к конфликтам и расколам.

Поэтому задача настоящей статьи – сфокусировать внимание на тех трансформациях, которые ожидают мировое социально-экономическое пространство в ближайшем будущем и обосновать те перспективы, к которым они могут привести.

Практически единодушное мнение представителей западной бизнес-элиты и научного сообщества выражает тезис о том, что капитализм был и по-прежнему остаётся двигателем процветания, но он нуждается в системных реформах, в изменении бизнес-подходов. Фундаментальные вопросы государственного управления, управления собственностью, общественного договора нуждаются в скрупулёзном пересмотре и модернизации с целью решения обострившихся во время кризиса проблем: неравенства, бюджетных дефицитов и финансовой нестабильности.

В данном контексте высказываются мнения о том, что во многом кризисные тенденции были обусловлены преобладанием в экономической активности *парадигмы краткосрочных эффектов*, которая завела мировую экономику в тупик бессистемности и бифуркации, преодоление которых требует трансформации экономического восприятия времени. Это означает переориентацию социоинституциональной традиции западной модели бизнес-поведения с краткосрочной на долгосрочную, ориен-

[1] Публикация при финансовой поддержке НАН Украины проекта "Перспективы и риски экономической динамики и взаимодействия России и Украины в кризисный и посткризисный период" № 06-06-10-У; 10-06-90407 (Р) в рамках совместного конкурса НАН Украины – РФФИ.

 © В.Корнивская, 2011

тированную на стратегическую перспективу – "Capitalism for the long term"[2]. Для обоснования этого тезиса приводится анализ социоинституциональных оснований экономического устройства азиатских государств, ориентированных на целеполагание и стратегическое планирование на сроки от 60 лет, что является существенным цивилизационным преимуществом[3], прямо влияющим на экономические и социальные эффекты. Эта проблематика исследуется в работах академика Ю.Пахомова в контексте возможных социоинституциональных изменений украинского общества[4].

Ю.Морозов в своей книге "Пути России" указал, что для европейской традиции эпохи пост-Ренессанса преобладающей стала идея линейного времени на "бесконечной временной прямой, которая может быть разделена на мелкие соизмеримые отрезки" – парадигма монохронии. Такое восприятие времени связано с развитием понятий *пунктуальность*, *хронометраж*, применением календарного планирования и предельных (плановых) сроков. В отличие от традиции, сформировавшейся в Европе, на Дальнем Востоке (Китай, Япония) развивалась и закрепилась идея полихронии, при которой "не существует абсолютного времени – оно замещается простой чередой временных ассоциаций с конкретными событиями"[5]. Европейская традиция увязывает все события "в единый временной ряд, она как бы ранжирует их по степени важности, первичности (и, наоборот, второстепенности, подчиненности)". Событие обязательно связывается с определённым временем, оно фиксируется во времени. "При полихронии различные события предстают как равно важные, рядоположные..."[6].

Традиция азиатской полихронии в отличие от европейской монохронии приводит к тому, что осмысливается, целеполагается и достигается, переживается и имеет значение само событие, без расчленения его на временные этапы, поэтому в условиях указанных социокультурных оснований в экономическом планировании выделяется в первую очередь главная цель без промежуточных. В этом случае необходимым является жёсткий контроль над результатами деятельности исполнителя, чему в немалой степени способствует малый размер азиатских фирм. Стремление быть в курсе всех деталей и событий, происходящих в фирме, обуславливает невозможность создания крупных фирм. "В Европе монохрония проявилась в стремлении руководителей хронометрировать трудовые и управленческие операции, на основе выявления того, когда сделана определённая операция, появился оперативный учёт, усилились разделение труда и стандартизация: время как бы само по себе стало определять поведение человека, регулируя даже биоритмы (сон, еду)"[7].

Чрезмерное увлечение временными характеристиками деятельности привели к тому, что во главу угла был поставлен временной фактор, большинство экономических показателей связано именно с фактором времени, для финансового анализа основным подходом является вре-

---

[2] *Dominic Barton.* Capitalism for the long term // Harvard Business Review. – www.hbr.org/2011/03/capitalism-for-the-long-term/ar/1#.
[3] Там же.
[4] *Пахомов Ю.Н.* Украина и Россия между Западом и Востоком // Науковий журнал "Економічний часопис – XXI. – 2010. – № 5–6. – С. 3–8.
[5] *Морозов Ю.А.* Пути России (модернизация неевропейских культур). – Выпуск 1. – www.sociodinamika.com/puti_rossii/00ind.html.
[6] *Пахомов Ю.Н.* Украина и Россия между Западом и Востоком. – С. 3–8.
[7] Там же.

менная стоимость денег. Время стали преодолевать, в единицу времени стали "втискивать" растущее количество операций, достижение максимального результата стало иметь значение только за предельно короткие сроки, девиз "время – деньги" стал исчерпывающе описывать западную парадигму экономического развития, долгосрочные эффекты практически перестали играть роль при осуществлении операционной активности всеми субъектами системы, глобальные проблемы обострились.

Краеугольным подходом исследований в контексте временной парадигмы является необходимость преодоления "близорукости" институтов, которая проявляется на поверхности экономических явлений как квартальное бизнес-планирование[8]; "...примитивная культура времени (время от урожая до урожая, от бюджета до бюджета) свойственна малоразвитым народам, лишённым перспективы..." (в контексте украинской экономики. – Прим. авт.)[9]; формирование основ денежно-кредитной политики сроком на год; политические решения, зависящие от электоральных циклов – от выборов до выборов; владение акциями компаний в течение срока, меньшего, чем год. В этом контексте интересны исследования Энрю Холдена (Банк Англии), которые показывают, что если в 1970-х годах в среднем акция находилась в руках у постоянного владельца 7 лет, то в современных условиях – 7 месяцев. 70% американских акций находились у трейдеров, которые владели ими в течение нескольких секунд торговой сессии, что означало преимущественную общерыночную незаинтересованность в долгосрочных перспективах.

Поэтому сиюминутность, недолговечность, краткосрочность стали основной тенденцией развития как западного, так и постсоциалистического общества, попытавшегося принять западную парадигму. Для планового социалистического общества, которое путём выполнения пятилетних задач постепенно, стратегически выверено двигалось к коммунистическому идеалу, постперестроечная бессистемность и мгновенная неопределённость стала социоинституциональной катастрофой, преодолеть последствия которой мы до сих пор не в силах. Хотя, вполне возможно, что именно эта "временная неопределённость" советского подхода, ориентированного на долгосрочные цели, но реализующего движение путём пятилеток, стала некоторым катализатором неустойчивости этой системы.

Очевидно, что в геополитическом и финансово-экономическом контексте следствием укоренения западной краткосрочной временной парадигмы стала всепоглощающая идея глобализации как преодоления, поглощения пространства, обеспечения максимально краткосрочного, мобильного, мгновенного перемещения информации и ликвидности. В виду многочисленного, динамически растущего количества субъектов глобального пространства, которое также постоянно увеличивало диаметр и глубину своего проникновения в систему национальных государств, обеспечение долгосрочного прогнозирования и управления не представлялось возможным в условиях постоянной абсолютной произвольности структуры глобальной системы. Геоинституциональная идея глобализации как расширяющего пространства, неконстантного, инвариантного несовместима с долгосрочной временной парадигмой, а краткосрочность является её основой сущностной характеристикой, которая распространяется на все отношения и институты. Современные процессы глобализации наиболее

[8] *Dominic Barton.* Capitalism for the long term.
[9] *Пахомов Ю.Н.* Украина и Россия между Западом и Востоком. – С. 3–8.

ярко проявились именно в финансовой сфере, где мобильность ликвидности, реализованная в системе высокотехнологичных рынков, достигла абсолютного максимума. В условиях преимущественной реализации глобализации финансовых рынков необходимы были и инструменты, соответствующие глобализационной временной парадигме – краткосрочные инструменты.

Поэтому ипотечный кризис, ставший катализатором мирового финансового кризиса, мы трактуем как конфликт в системе экономического времени, выразившейся в несоответствии долгосрочного характера ипотеки тем инструментам, с помощью которых ипотека была представлена на финансовом рынке.

Углубляясь в экономическую сущность ипотеки, мы видим, что это глубокая система отношений, имеющая длительный исторический период своего развития со времён Солона и дошедшая до наших дней как неотъемлемая часть экономико-финансовых отношений в развитых системах, характерных стабильным положением среднего класса, стремящегося к повышению своего уровня благосостояния.

Обращаясь к предкризисным механизмам осуществления ипотеки в США, нетрудно заметить инфляцию самой сущности этого понятия. Покупка дома с помощью заёмных средств стала неотъемлемой частью жизни любого американца. Ипотека была доступна и субъектам с невысоким кредитным рейтингом, и даже тем лицам, которые были не в состоянии подтвердить свой доход. Существовали государственные программы, направленные на помощь в приобретении неликвидного жилья в непривлекательных районах. За счёт дополнительных гарантий кредитным учреждениям со стороны государства покупка такого жилья не является проблемой. Неотъемлемой частью американской ипотеки стала FNMA (Federal National Mortgage Association, или “Fannie Mae”). Компания имела доступ к гарантированной кредитной линии Казначейства США в размере 2,25 млрд долл.[10]. Налаженная схема рефинансирования закладных и привлечения денег пенсионных фондов в США означала, что FNMA обладала практически неограниченным объёмом ресурсов, позволявшим ему выкупать неограниченное количество закладных у банков и диктовать условия кредитования для всего рынка. Дальнейшее движение полученных финансовых активов было обусловлено задачей их максимально мобильного превращения в ликвидный инструмент, для чего закладные объединялись в пулы, которые являлись обеспечением по эмитированным FNMA вторичным ценным бумагам – MBS (Mortgage-Backed Securities). Эти бумаги представляли собой ликвидный финансовый инструмент, являвшийся предметом активного рынка на Уолл-стрит.

Граничные звенья цепи движения представленных финансовых отношений – ипотека и ликвидный финансовый инструмент – это экономический оксюморон, "белая чернота" финансовых отношений, поскольку долгосрочный инструмент, по сути, не может обладать высокой степенью ликвидности. Если оценить указанные отношения с позиции временной парадигмы, то усматривается двойное несоответствие: во-первых, несоответствие между объективной глобальной краткосрочностью и долгосрочными механизмами ипотеки, во-вторых, несоответствие между долгосрочным характером ипотеки и краткосрочными инструмен-

[10] *Paul A. Cleveland.* Freddie Mac: A Mercantilist Enterprise. Ludvig von Mises Institute. – www.mises.org/default.aspx.

тами, в рамках которых происходило её движение на финансовых рынках. В этом состояло глубинное противоречие: качественное несовпадение современных тенденций и глубинного института, прошедшего длительный путь развития, укоренившегося в системе отношений – противоречие глобализации и ипотеки, противоречие долгосрочного и краткосрочного в социоинституциональном пространстве.

Ипотечный кризис показал несостоятельность институциональных оснований глобальной системы, в том числе и в контексте отношения ко времени, а также необходимость осознания его не-мгновенности, несиюминутности. Поэтому в современных условиях важнейшей задачей является социоинституциональное реформирование в контексте долгосрочной временной парадигмы, которая должна отразиться на всех составляющих глобального социоэкономического пространства.

Однако здесь мы сталкиваемся с достаточно сложной задачей, состоящей в необходимости упорядочивания тех тенденций, которые уже стихийно присутствуют в глобальном социоинституциональном, экономическом и финансовом пространстве: субъекты глобальной системы интуитивно начали осознавать пагубность парадигмы, ориентированной на краткосрочные эффекты в глобальной экономике, поэтому необходимые процессы реформирования начали происходить стихийно, как попытки "сворачивания" пространства операционной активности и минимизации экзогенных факторов воздействия на экономические системы. Краткосрочная, практически мгновенная трансмиссия шоков в глобальной экономике заставила развивающиеся государства "закрывать" свои системы от негативного воздействия спекулятивного капитала и направить усилия на развитие реального сектора экономики. Однако эти процессы имеют далеко неоднозначный характер, поэтому сегодня обострились геополитические конфликты и сепаратизм, в экономическом пространстве развивается негативный протекционизм, а в финансовом поле возникают валютные войны. Все субъекты сегодня пытаются максимально оградить себя от влияния внешней среды и выстроить долгосрочную стратегию, ориентированную на адаптацию к глобальным вызовам.

Что же ожидает мировое сообщество, в котором наряду с призывами ко всё более глубокому и системному сотрудничеству развиваются прямо противоположные процессы, формирующие тенденции и закономерности, главной их которых в современных условиях становится преимущественное влияние *эндогенных критериев на условия операционной активности в глобальном пространстве*.

Если оценивать современные геополитические, геоэкономические и геосоциальные тенденции, то становится практически очевидным, что призывы к выработке коллективных экономико-институциональных подходов имеют скорее качество инерции. Объективное восприятие чрезмерной открытости как фактора риска сегодня преобладает, и в мировом пространстве развивается парадигма преимущества национальных и региональных интересов, а приятие решений перемещается с глобального на национальный уровень, на котором всё чаще устанавливаются барьеры для влияния экзогенных факторов воздействия.

Явление "рассечённой планеты" становится главенствующим фактором, который будет определять сложность, многомерность и противоречивость процессов в мировом общественном пространстве, систематизировать которые будут не в силах ни институты национального уровня, ни их наднациональные аналоги.

Существование и эффективность мировых наднациональных институтов всё чаще и острее будет вызывать сомнение в связи с тем, что уже сейчас институты международного уровня становятся заложниками национальных приоритетов, вынесенных на глобальный уровень. Глобальные институты лихорадит от бесконечного потока национальных интересов, вступающих в конфликт в глобальном пространстве. Решая проблемы национального уровня, глобальные институты подвергают себя глубокой деструктивной трансформации, сводящей к минимуму стратегическую эффективность дальнейшего существования этих институтов.

Эти процессы геополитической и геоэкономический неопределённости будут происходить в условиях выстраивания *долгосрочной временной парадигмы* в контексте роста *долгосрочного инвестиционного спроса*. Однако институциональная неготовность приять новую временную традицию приведёт к проблеме дефицита ликвидности в мировом экономическом пространстве. В последнем исследовании, представленном аналитиками компании МакКинзи, в связи с обоснованием предстоящих тенденций мирового финансового рынка высказываются следующие соображения[11]. Тенденции движения сбережений и инвестиций таковы, что в ближайшее время начнётся формирование восходящего инвестиционного тренда. Эти процессы будут обусловлены возрастающим спросом на инвестиционные ресурсы со стороны развивающихся экономик Азии и Латинской Америки. С другой стороны, реализация в Китае политики стимулирования внутреннего потребления приведёт к тому, что Китай сократит предложение ликвидности на мировом рынке. Поэтому мир вступает в эпоху, когда склонность к инвестированию будет превышать склонность к сбережению. Более высокая стоимость капитала приведёт к тому, что субъекты, склонные сберегать, будут в существенном выигрыше, а субъекты, склонные к выходу на кредитный рынок, будут более осторожными и осмотрительными при осуществлении займов. Результаты исследования инвестирования в мировой экономике за последние 30 лет показывают, что:

- доля инвестиций в ВВП снижалась, начиная с 1970-х годов, несмотря на абсолютное увеличение; существенное уменьшение спроса на инвестиции привело к падению процентных ставок и кредитному буму;
- сегодня мир находится на пороге колоссальных изменений, связанных с повышением спроса на инвестиции, который превысит спрос на инвестиции времён послевоенного восстановления Европы и Японии;
- растущий спрос на инвестиции окажет существенное давление на процентные ставки, вне зависимости от темпов роста сбережений; это произойдёт в течение следующих пяти лет, когда половина всех мировых сбережений окажется на развивающихся рынках Латинской Америки и Азии[12].

О справедливости этих заключений свидетельствует статистика. Как показывают данные Экономической комиссии ООН по Латинской Америке и Карибскому региону (ECLAC – economic commission for Latin America and the Caribbien), прямые иностранные инвестиции в экономику одиннадцати стран региона увеличились на 16,4% в первой половине 2010 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Благодаря росту

[11] Farewell to cheap capital? // McKinsey Global Institute. – December 2010. – www.mackinsey.com.
[12] Ibid.

более чем на 7 млрд долл. в первом полугодии, иностранные инвестиции в этом году достигнут отметки 50,345 млрд долл. США. Увеличение объёма иностранных инвестиций объясняется в первую очередь стабильностью и экономическим ростом, которые показывают большинство стран Латинской Америки и Карибского региона. В случае с Южной Америкой, высокие цены на сырьё продолжают поощрять прямые иностранные инвестиции в разведку и добычу углеводородов. К этому добавляются восстановление мировой торговли и устойчивые перспективы на международных финансовых рынках. В 2010 году Мексика, как Чили и Перу, восстановила свои позиции в качестве получателя прямых иностранных инвестиций. В Центральной Америке, в Коста-Рике и Панаме, также наблюдается рост по сравнению с 2009 годом. В первой половине этого года Бразилия продолжает оставаться самым привлекательным в регионе рынком для инвестиций, их объём в первом полугодии составил 17,13 млрд долл. США[13].

Это означает, что в ближайшее время мир ощутит крайнюю нестабильность в связи с тем, что система глобальных доноров и реципиентов будет менять состав своих участников, а погоня за инвестиционными ресурсами, необходимыми для посткризисного восстановления, крайне обострит систему мировых взаимоотношений. Тенденции взаимосвязанности и взаимозависимости, объективно сформированные процессами глобализации, будут сталкиваться с новыми явлениями геополитики и геоэкономики. Глобальность и конвергенция, приводившие к уменьшению процентных ставок, будут преодолеваться, на их место будут приходить национальные и региональные эндогенные приоритеты, что наряду с ростом мирового инвестиционного спроса станет объективным основанием для роста процентных ставок в долгосрочной перспективе.

Смягчить ситуацию могло бы эффективное реформирование мирового финансового рынка, направленное на создание основ преобладания инвестирования в реальный сектор. Однако и здесь сегодня развиваются процессы, которые значительно усугубят мировую нестабильность, поскольку пространство финансового рынка также вступит в борьбу за ограниченные ресурсы, имея при этом значительные преимущества, возникшие в связи с повышением интегрированности мировых финансов, в частности, в системе объединённых фондовых бирж.

Поэтому сегодня с определённой долей уверенности мы можем утверждать, что мир вступает в эпоху глубочайших трансформаций глобального, регионального, национального уровней, которые будут происходить одновременно, формируя сложную систему взаимосвязанных процессов и явлений, минимально поддающихся управлению.

С другой стороны, в этом сложном, многовекторном движении уже сейчас можно увидеть ростки возможного посткризисного восстановления, связанного с формированием долгосрочной временной парадигмы.

Если обратиться к показателям стран Латинской Америки, которые вполне могут стать катализатором "инвестиционных бумов", то здесь усматривается глубокая стратегическая тенденция к усилению долгосрочных приоритетов развития. Главным трендом развития Латинской Америки и стран Карибского бассейна является обеспечение устойчивого роста в долгосрочной перспективе за счёт реализации программ адаптации

[13] Официальный сайт: Economic commission for Latin America and the Caribbien. – www.eclac.cl.

к климатическим изменениям и развития эко-производства. В странах региона принимаются Национальные стратегии и реализуются конкретные шаги в структурной, финансовой, инвестиционной и социальной политике, направленной на создание условий устойчивого роста в связи с глубокими, коренными изменениями в промышленности и сельском хозяйстве. В Бразилии растёт производство топлива из биомассы, увеличиваются объёмы строительства социального жилья с солнечными панелями. В ряде других стран наблюдается тенденции к устойчивому развитию экотуризма, экологичного сельского хозяйства, развитие инфраструктуры для адаптации к изменениям климата, развитие отрасли переработки бытовых отходов. Устойчивый тренд на развитие эко-производства приводит к изменению в структуре занятости в пользу так называемых "зелёных рабочих мест" (табл.).

Таблица

Количество "зелёных рабочих мест" по видам деятельности в 2008 году в Бразилии

Вид деятельности	Количество рабочих мест
Лесное хозяйство	139768
Производство возобновляемой энергии	547569
Утилизация отходов и управление экологическими рисками	303210
Ремонт и техническое обслуживание	435737
Общественный транспорт и альтернативные пути транспортировки по земле и воздуху	797249
Телекоммуникации и услуги телефонной связи	429526

Источник: Economic commission for Latin America and the Caribbien. – www.eclac.cl.

О существенных экономических сдвигах в регионе свидетельствуют данные совместного доклада ECLAC и Международной организации труда, в котором констатировано снижение уровня безработицы в регионе в 2010 году на 0,6% в связи с экономическим ростом, составившим 6%. В 2011 году прогнозируется дальнейшее снижение безработицы на 0,2–0,4% и увеличение внутреннего спроса[14].

В данном контексте важна также приверженность к долгосрочному созданию стоимости, связанному большей частью с теми общественными эффектами, которые обуславливает операционная активность. Уже сегодня многие представители бизнес-пространства говорят о необходимости реализации социально ответственных инициатив, 75% респондентов, участвовавших в недавнем социологическим опросе, готовы осуществлять экологические, социальные, управленческие нововведения для создания стоимости в долгосрочной перспективе[15]. А в странах всё той же Латинской Америки этот тренд активно реализуется. Многими правительствами выполняются масштабные гуманитарные программы: в 2010 году Боливия, Эквадор и Венесуэла присоединились к Кубе в списке стран, которые, по данным ЮНЕСКО, полностью ликвидировали неграмотность среди населения. В регионе активно создаются медицинские образовательные учреждения по кубинской модели, которая на сегодняшний день считается одной из лучших в мире, поскольку является социально ориентированной. Была проведена грандиозная программа "Чудо", позволив-

[14] Там же.
[15] *Dominic Barton.* Capitalism for the long term.

шая восстановить зрение более чем 2 миллионам людей по всей Латинской Америке.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что посткризисное восстановление, которое для стран Европы и Северной Америки является пока неопределённой перспективой, для Латинской Америки является стратегической, реально выполнимой задачей, поскольку процессы, происходящие в этом регионе, свидетельствуют о формировании стратегического, пока нестабильного и рискового, но цивилизационно и институционально обусловленного социального климата, необходимого для реализации долгосрочных стратегий. Долгосрочные перспективы требуют высокого уровня доверия, которое, судя по росту прямых иностранных инвестиций и социоинституциональному климату, успешно развивается в этом регионе. Как справедливо отмечают исследователи, странам Латинской Америки удалось успешно преодолеть полосу жесточайших кризисов 1990-х – начала 2000-х годов (в Мексике – в 1994, в Бразилии – в 1999, в Аргентине – в 2001–2002), при этом не только сохранив мир в регионе, но и продемонстрировав способность к устойчивому экономическому росту; военные диктатуры, кабальные договора с МВФ, беспрецедентное внешнее давление со стороны США и самые радикальные неолиберальные правительства. В последнее время латиноамериканцы начали демонстрировать завидную независимость в политике и отстаивать свои собственные интересы на международной арене. Новоизбранные правительства во многих государствах (правительство Лула да Силва, Уго Чавеса, Эво Моралеса, Рафаэля Корреа) в свое время полностью отказались от неолиберализма. Это сопровождается региональными интеграционными процессами, при которых поощряются инновационные способы интеграции, часто идущие вразрез с коммерческой выгодой. Латинская Америка постепенно превращается в могущественный блок с собственными интересами и программой.

Поэтому, очевидно, что мировую экономику ждёт восстановление, но крайне неравномерное и достаточно болезненное, поскольку изменение полюсов влияния и выстраивание новых векторов взаимоотношений будут связаны с глубокими институциональными деформациями, которые потребуют нового стратегического восприятия мировой экономики и международных экономических отношений. И в этой системе новых взаимосвязей, основанных на преимущественной реализации национальных приоритетов, абсолютно необходимым является развитие новой стратегии экономического мышления, сформированного на приоритетах *долгосрочного экономико-институционального развития*. Выстраивание стратегии долгосрочных экономических эффектов потребует соответствующих социоинституциональных, экономических, политических и финансовых трансформаций, обуславливающих в первую очередь формирование пространства доверия и цивилизационной динамической стабильности, которые укрепят почву для появления необходимых *социальных феноменов*.

О решающем значении *социального фактора* для экономического прорыва писал Питер Друкер в своей работе "За фасадом информационной революции", где он указал, что, несмотря на краеугольное значение появления паровой машины и железной дороги для инновационного промышленного развития XIX века, именно социальный климат, ставший духовным порождением индустриальной революции, стал залогом долгосрочного экономического успеха: "Новые отрасли, возникшие после появления железной дороги, в технологическом плане мало чем были

обязаны паровой машине или индустриальной революции в целом. Они отнюдь не были её порождением "плоть от плоти" – они были её "духовным порождением". Они стали возможными только благодаря созданному промышленной революцией настроению умов и развитым ею умениям. Это было умонастроение, которое принимало – и более того, со рвением приветствовало – изобретение и новацию. Это было умонастроение, которое принимало – и со рвением приветствовало – новые продукты и новые услуги"[16]. Совершенно очевидно, что выстраивание долгосрочной стратегии экономического развития и возможного экономического прорыва невозможно без особого социального климата "инновационного приветствования", климата эффективного воплощения, распространения и поглощения инноваций, того климата, который сегодня активно развивается в Азии, европейских странах, где государственная инновационная политика направлена прежде всего на создание побудительных причин к использованию инновационных технологий и на стимулирование населения к использованию альтернативной энергетики и экологически чистой продукции, и в Латинской Америке, где делаются первые шаги по структурной перестройке и созданию "зелёных рабочих мест".

Новый социальный климат сформирует институты и ценности, которые сделают возможным появление новых отраслей, и создаст новый социальный пласт профессионалов высокого качества и социального назначения, отвечающих за укоренение достижений инновационного прогресса в экономической жизни. И именно социальный климат из всех условий долгосрочного экономического роста является наиболее важным фактором, поскольку именно "социальное" наиболее долгосрочно. Неслучайно Питер Друкер написал: "В современных условиях развития информационной экономики "ключом" к удержанию лидерства в экономике и технологии, которые вот-вот возникнут, похоже, будут социальное положение профессионалов знания и социальное приятие их ценностей"[17].

[16] *Друкер П.Ф.* За фасадом информационной революции // Русский архипелаг. – www.archipelag.ru.
[17] Там же.